

Анна Родионова

«У нас не автоматическая станция»:

ФИЛЬТРЫ ТЕХНИЧЕСКОГО ВООБРАЖЕНИЯ
В ПОЭЗИИ ГЕНРИХА САПГИРА И ИГОРЯ ХОЛИНА

Anna Rodionova

“We do not have an Automatic Station”: Filters of Technological Imagination
in the Poetry of Genrikh Sapgir and Igor Kholin

Анна Родионова (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; аспирант) arodionova@hse.ru.

Anna Rodionova (Graduate Student; HSE University) arodionova@hse.ru.

Ключевые слова: неподцензурная поэзия, Генрих Сапгир, Игорь Холин, Лианозовская школа, техника, научно-технический прогресс, абстракция, конкретика, конкретизм, Пролеткульт, Литературный центр конструктивистов, русская литература XX века

Key words: unofficial poetry, Genrikh Sapgir, Igor Kholin, Lianozovo School, technology, scientific and technological progress, abstraction, concreteness, concretism, Proletkult, Literary Center of Constructivists, Russian literature of the 20th century

УДК: 821.161.1+82-1

DOI: 10.53953/08696365_2022_176_4_254

UDC: 821.161.1+82-1

DOI: 10.53953/08696365_2022_176_4_254

В статье рассматриваются поэтические тексты двух авторов Лианозовской школы (Игоря Холина и Генриха Сапгира), написанные в 1950-х — начале 1960-х годов, в связи с идеологией научно-технического прогресса и ее влиянием на эстетическую систему русской литературы XX века. В представленной работе анализируется, как именно в стихотворениях Сапгира и Холина особенности литературы первых десятилетий XX века, повлиявшие затем на формирование советской официальной эстетики, оказываются деконструированы наряду с типичными для второй половины XX века советскими речевыми штампами и идеологическими клише. Рассматривая, как именно социальный и культурный контекст отражался в текстах двух поэтов, автор статьи стремится выявить особенности начального этапа формирования эстетической системы неподцензурной литературы в ее связи с языковой абстракцией, конкретикой бытовой среды и опосредующей ролью «технического воображения».

The article analyzes poetry written in the 1950s and 1960s by two Lianozovo School poets, Igor Kholin and Genrikh Sapgir, in connection with the ideology of scientific and technological progress and its influence on the aesthetic system of 20th century Russian literature. This work analyzes how, in the poetry of Sapgir and Kholin, the features of literature of the early 20th century, which later influenced the formation of Soviet official aesthetics, was deconstructed along with the Soviet rhetorical and ideological clichés that were typical for the second half of the 20th century. By examining how exactly the sociocultural context was reflected in the poems of Sapgir and Kholin, the author of the article aims to unravel the features of the early stage of the formation of the aesthetic system of unofficial literature in its connection with linguistic abstraction, the concrete daily environment, and the mediating role of “technical imagination.”

1. Вместо предисловия: абстракция и конкретика

Современная поэзия сейчас, в начале 2020-х годов, переживает процесс, похожий на смещение полюсов концептуального напряжения: определения, с помощью которых характеризовалась поэзия предыдущего десятилетия, либо расширяются и популяризируются, обрастая уточнениями, либо опознаются

как неактуальные и смешиваются друг с другом в новых пропорциях. Так, редуцирующие противоположности вроде «социального» и «метафизического» письма, «прямого» и «темного» высказывания, которые и раньше были очень узкими, в применении к поэзии многих современных авторов оказываются бесполезными, недостаточными даже для использования вскользь, указательно.

Однако можно сказать точно, что поэзия, еще несколько лет назад балансировавшая между иллюзией бессубъектности и доминантой опыта, сейчас регулируется очень разными установками, которые, даже не будучи родственными, сшиваются информационным субъектом более непредсказуемо. Это дает возможность перемещаться в поэтическом высказывании между разными дискурсивными и стилистическими возможностями, мигрировать от разнородных абстракций до конкретики с произвольной референцией. В то же время дискурсивная реальность, в которой существует поэзия, оказалась поляризована до предела, накаляясь в нестабильной политической обстановке.

В этой точке развития для новейшей поэзии особенно важными становятся фигуры, которые так или иначе работают с указанной выше сочетаемостью конкретного и абстрактного. Симптоматичен интерес к текстам «метареалистов», чья пограничная¹ поэзия подпитывалась из очень разных культурных источников и создавала такие отношения с языком, которые были невозможны до этого ни в официальной, ни в неподцензурной поэзии. Однако среди других авторов неподцензурной литературы есть еще поэты, которые могут быть раскрыты совершенно особенным образом именно сейчас, несмотря на их включение в канон и почти «классический» статус.

2. «Техническое воображение»

В первую очередь это Лианозовская школа, чья деятельность на фоне другой неподцензурной поэзии выглядит особенной не только из-за того, что это одно из первых неподцензурных объединений поэтов в России второй половины XX века. Дело в том, что лианозовцы оказались крайне внимательны одновременно к абстракции и конкретике языка, «натурализму» окружающего мира и дискурсивному фону. Эти качества особенно важны сейчас, когда открытость к внешнему, средовому наряду с разноплановой языковой работой кажется основой для интеграции более имманентного взгляда на поэзию (как на текст, устроенный по своим внутренним законам) и взгляда более контекстуализирующего (здесь имеются в виду прежде всего социологические и антропологические ракурсы). Внутреннее устройство авторских поэтик и эстетических направлений на более глубоком информационном уровне оказывается прямо связанным с закономерностями локального контекста, а вслед за ним — и культуры в целом.

Соединять все это отдельным авторам Лианозовской школы помогало смелое обращение к таким, казалось бы, дискредитированным официальной советской культурой темам, как техника и человек, автоматизация и повседневность. Основой для этой интеграции у некоторых представителей (особенно у Генриха Сапгира и Игоря Холина) было особенное «техническое воображе-

1 Здесь имеется в виду пограничное положение поэзии «метареалистов» как по отношению к стратам неподцензурной и официальной литературы, так и к паре неподцензурной и современной поэзии XXI века.

ние». Под «техническим воображением» здесь понимается исторический и культурно-конкретный способ формулировать мысли о технике в литературе, а также конструировать своего рода «информационную метамодель» текста, то есть принципы распределения потоков информации (с помощью работы с дискурсом и языком), которые и создают в итоге поэтическое высказывание.

Вопрос о технике в неподцензурном контексте возникает закономерно, он вызван как исторической ситуацией, так и внутрилитературными причинами: темы, связанные с «научно-техническим прогрессом» (НТП), находятся на пересечении советской официальной культуры, эстетического мейнстрима первых двух десятилетий XX века (проявившихся в поэтике таких объединений, как Пролеткульт, ЛЕФ, Литературный центр конструктивистов) и проблем глобальной культуры XX века как таковой, значение техники для которой обсуждали философы и теоретики в диапазоне от Союза немецких инженеров до Жильбера Симондона и Донны Харауэй. Анализируя, как этот фон отражался на неподцензурной литературе, можно проследить, как именно формировалась ее эстетическая система и методология в переплетении контекстов. Кроме того, в понятии «технического воображения» соединяются сразу несколько аспектов: языковой, дискурсивный и средовой, связанный с интерпретацией внешних данных реальности.

Важно, что в неофициальной литературе техника могла быть осмыслена более независимо и разнообразно, чем в официальной [Кукулин 2019: 41], так как неподцензурные авторы, отказавшись от самоцензуры, могли позволить себе писать не только о благотворных сторонах технической модернизации, но и о том отчуждении человека, которое она несла с собой², и о том, что советская стратегия мобилизационного, насильственного строительства современной индустрии оборачивалась «консервативной модернизацией», как ее назвал демограф А.Г. Вишневский [Вишневский 2010], а также — в отдельных случаях — об агентности техники, почти исключенной из официальной советской интерпретации НТП, и даже о том, как контактирует техника и человеческое неосознаваемое [Hayles 2017: 9]. Кроме того, неподцензурная литература специфически работала с языком, на котором все вышеуказанное могло быть написано: лингвистическая и стилистическая «нормализация», свойственная соцреализму, здесь была необязательной.

Конечно, отдельные технические устройства и их репрезентация в русской литературе уже становились объектами исследования [Тименчик 1987], но в этой работе будут рассмотрены не образы отдельных объектов на тематическом и/или мотивно-образном уровне, но особенности трактовки НТП в неподцензурной поэзии и отношения между абстрактным и конкретным в ней. Предметно же речь пойдет, как уже было отмечено, о текстах Игоря Холина и Генриха Сапгира. Дело не только в том, что «именно Сапгир и именно Холин вихрем ворвались в московские литературные кружки конца 50-х и произвели ревизию современного литературного языка, показав, что “низменное просторечие” сулит немало находок чудных в области литературных художеств» [Тучков 2005: 263], но в том, как эта ревизия языка переплеталась с реализацией «технического воображения» у этих авторов.

2 Впрочем, об этом могли — пусть и осторожно — писать и вполне официально признанные авторы «тихой лирики» вроде Н. Рубцова, однако широта проблематизации в этом случае была сильно ограничена стилистическим и идеологическим пассажем.

Другие участники Лианозовской школы — Евгений Кропивницкий, Ян Сатуновский и Всеволод Некрасов — тоже касались в своей поэзии проблемы техники, но их трактовка была несколько иной. Кропивницкий, будучи тесно связан и биографически, и эстетически с модернизмом, брал в фокус не столько НТП, сколько урбанизм. Что касается представлений о технике у Некрасова, то они имеют другой генезис: он наблюдает отдельные проявления технического в мире в большей степени как феноменолог. Для Сатуновского же, напротив, техника оказывалась только элементом идеологии, и все его поэтическое взаимодействие с ней помещается в рамки более общей проблемы идеологических оснований повседневного опыта³.

В этом исследовании нас будет интересовать прежде всего то, как проявлено «техническое воображение» в поэзии Сапгира и Холина. Их работа отличается специфичностью: языковая абстракция в поэтических текстах связывается с конкретикой — конкретикой языка, как в западной конкретной поэзии (с которой лианозовцев объединяют определенные поэтические и исторические параллели [Кукуй 2016; Павловец 2021: 44]), но также иной, «внеязыковой», конкретикой («конкретный реализм» в смысле сугубого натурализма» [Кулаков 1999: 12], «указание на “предмет”: как взгляд на реалии жизни, не искаженный никакими литературными условностями» [Hirt, Wonders 1992]). Абстракция же проявляется двойственно: с одной стороны, ею характеризуется «слово “абстрактное” — отвлеченное, “опоэтизированное” или идеологизированное» [Павловец 2021: 56], чуждое деконструированному пониманию поэтического выражения, характерного для лианозовцев, но с другой стороны — в сочетании с конкретикой языка или бытовой реальностью абстракция освобождается. Будучи помещена в текст на правах реди-мейда [Смола 2021: 162], она стягивает внимание читателя к аналитике контекста ее использования [Там же: 168], тем самым создавая продуктивное остранение не только для самого текста, но и для реальности, в которой он возник.

Связь между абстракцией и конкретикой «технического воображения» у Сапгира и Холина реализуется главным образом через взаимодействие телесного, перцептивного и дискурсивного, социального. Именно эта работа затем станет важной для таких пограничных фигур на стыке неподцензурной и новейшей поэзии, как «метареалисты», а позже — для новейшей поэзии XXI века.

2. Экотехния

Одна из отмеченных выше особенностей поэзии Сапгира и Холина — это связь тела и дискурса. Как известно, тело может возникать в художественном тексте тематически, как часть его образного мира, но на более глубоком уровне оно присутствует всегда — как сенсор, воспринимающий окружающее и обосновывающий возможность сказать именно так, а не иначе. Тело как поверхность перцепции [Делёз, Гваттари 2009: 76], которой касаются внешние техносоциальные, экономические условия, пространственные изменения, фильтрует и производит данные. В мире, где есть техника, первоначальная телесная органика оказывается неизбежно трансформированной, неоднородной, ли-

3 Эти наблюдения о разной роли техники в поэтиках авторов Лианозовской школы были сформулированы в процессе обсуждения настоящей статьи с И.В. Кукулиным.

шенной наивности целого — как в концепте киборга Донны Харауэй [Харауэй 2017: 11], подводящем локальный итог давнему соединению этих двух сфер. В литературе, которая касается вопроса о технике, от Гофмана до новейшей научной фантастики, трансформация тела с помощью новых технологий — распространенный мотив.

В поэзии Холина и Сапгира на теле и технике — и по отдельности, и вместе — поставлен акцент. Так произошло по ряду причин. Вероятно, здесь повлияло переопределение культурной роли тела в СССР: советский культ маскулинного, атлетического тела [Боренштейн 2001: 295], готового к любым подвигам — трудовым, спортивным, но в сущности военным [О'Махоуни 2006: 176], — стал своего рода противоположным эстетическим полюсом для этих авторов. Частое появление таких образов тела в официальной культуре СССР и одновременная невозможность изъять тело из реальной повседневности, в которой были болезни и травмы, вызванные в том числе сложными условиями жизни и труда⁴, создали благоприятные условия для формирования образов фрагментированной, дисгармоничной, но в то же время очень конкретной телесности.

В результате поэзии Сапгира и Холина создается своего рода экотехния тел [Нанси 1999: 121], состоящих из других (не всегда органических) тел, а также их фрагментов и частей. Экотехническое понимание противоречит эссенциалистским представлениям о теле как целостности с неотчуждаемыми свойствами [Там же: 122]: напротив, тело отделено от себя, его можно понять только в среде, притом среда всегда носит технический характер. В поэзии Холина и Сапгира тело тоже не изолировано от внешнего: оно впаяно в быт, производство, дискурс, оно не может и не умеет быть неповрежденным.

У Холина эта особенность проявляется в том, что технические устройства зачастую подменяют собой части тела. Герои и героини его текстов часто представляют собой своего рода гибриды, в которых сочетаются вполне привычная физиологичность и механическая искусственность (см., например, образы персонажей из цикла стихотворений «Космические»: это и ожившие землечерпалки, маховик и молочный жбан, самосвал и стиральная машина, роботы-людоеды, и более абстрактно описанные существа: «Луч — глаз / Реле — мозг / Рычаги — руки» [Холин 1999: 70], и посмертные гибриды: «Вынули труп / Лицо — губка / Вместо уха / Телефонная трубка» [Там же: 66]). С другой стороны, технические устройства часто становятся причиной увечий и смертей: у Холина есть особый микрожанр эпитафии, посвященный внезапной гибели, в том числе на производстве: «Работал машинистом порталного крана / Свалился на дно котлована / Комиссия заключила: “Виновата плохая погода”. / Жена довольна: / Похороны за счет завода» [Там же: 26].

В случае этой тематической группы текстов и еще ряда других стихотворений, в которых упоминаются заводские реалии в связи с телесными трансформациями или травмами, важно отметить мотивные переключки с пролетарской литературой 1920-х. Эта литература по своей проблематике — прямая предшественница и такой поэзии, как у Игоря Холина (переосмысляющей индустриальный пафос официальной советской культуры), и вполне интегрированного в советскую литературу жанра производственного романа. В пролетарской поэзии, как и в текстах Холина, тоже возникает мотив слияния человека

4 См. тексты: «Мы хромы с костылями» Е. Кропивницкого, «Шляпа и кролики» Г. Сапгира и др.

и техники, но, воспринимая текст как субститут реальности, Пролеткульт предлагал взаимодействовать с ним так же, как он хотел бы работать с миром вокруг, трактуя поэтическое письмо как еще одну форму труда коллективного «мы» [Левченко 2007: 96], где рабочий — это поэт и наоборот.

Что касается текстов Холина, то в них можно говорить не о нерасчленном «мы», а о расчленном «он», «она», «оно» и не об «онтологической хореографии» [Томпсон 2018] рабочего-поэта, сливающегося с машинерией завода для большей эффективности его производственно-поэтический действий [Родионова 2020: 47], а скорее об «онтологической и дискурсивной антиутопии». В этом цикле Холин пристально описывает только механические либо гибридные тела — соединяющее в себе антропоморфное и механизированное: «Дитя / Своего / Века / Помесь / Пилорамы / И человека» [Холин 1999: 99]; «Пара марсиан / Она / Молочный жбан / Он / Маховик / Неплохой мужик» [Там же: 62] и т.д. При этом такой аналитический взгляд не разъединяет авторскую регистрирующую инстанцию с наблюдаемым, — напротив, здесь есть парадоксальное отождествление [Рымбу 2014], почти эмпатическое, позволяющее воспринять эти бесконечные деформированные (не)человеческие тела как общий фильтр для данных реальности.

При этом в некоторых текстах есть напряжение между таким фрагментированным телом-объектом и телом раблезианским, всемирно-космическим [Черкасов 2012: 80], реализованное с помощью поэтики перечня, неиерархизированного списка. Например:

Автомат-полубог
Проглотил
Старый сапог
Началась отрыжка
Выскочила
Сберегательная книжка
Алюминиевый таз
Автопокрышка
Стопа
Кровельной жести
Удостоверение
Корреспондента Известий
Детские носки
Детская соска
Мешок известки
Дамская шляпа
Панама
Магнитофон
И куча
Другого хлама
Весом 800 тонн

[Холин 1999: 84].

В этом напряжении между размером механизированного тела и его частичностью, составленностью из деталей, есть след конфликта между модернистским пониманием техники как части большого нарратива и фрагментарным

овнутрением образов техники советской идеологией. Быть может, поэтому пропадают кавычки в названии газеты «Известия»: название конкретного средства массовой информации абстрагируется и овнутряется в перечне наряду с другими образами-знаками, постепенно теряющими свое бытовое значение.

Сапгир в своих стихотворениях, составивших цикл «Голоса» (1958—1962), как и Холин, деконструирует образ идеального советского индустриального работника, человека-машины. Постоянный прием Сапгира — сопоставление образов механического и живого: «На площади поставлен бюст — / Автопортрет, / Автофургон, / Телефон- / Автомат» [Сапгир 1993]. Если такой гибрид в текстах пролетарских поэтов 1920-х годов в основном демонстрировал продуктивность и расширенные возможности нового социального тела пролетария, немислимого вне альянса с машиной, то в текстах Сапгира этот «сплав» подчеркнута дисфункционален.

Технические объекты и механизмы появляются в текстах в моменты утраты субъектности человеком и соединяются с мотивами насилия («На шпалах»), смерти («Смерть дезертира»), страха («Сон»), искаженного сексуального желания («Земля»), болезни («Радиобред»). Там, где человек теряет возможность мыслить себя целостно, техническое устройство становится своего рода компенсатором и автоматизирует его действия и аффекты. Это представление о технике противоречило рациональной и позитивистской концепции НТП, распространенной в официальной советской культуре.

При этом Сапгир менее букввален в создании своих гибридов. Его монтаж организован не внутри самого поэтического образа, но через метонимический и метафорический перенос — не только между разными тематическими сферами, но и между разными стилями и языковыми уровнями. Тело в этом случае оказывается в специфических отношениях со средой: между ними находится своего рода мембрана — мембрана воображения, которое реализуется в поэтической речи:

Большой глядит остекленело.
 Рука
 Судорожно сжала одеяло.
 Из дверей — издаലെка
 Показался некто.
 — Доктор!
 — Надо
 — У меня проверить гайки

[Там же].

Тяжелое ранение
 В лесу — в далекой области.
 «Начинается гниение
 В области
 Брюшной полости».
 Приближенье парохода,
 Самолета,
 Парашюта»

[Там же].

На равнине
Одни
Пни,
Озеро
Посередине.
Скрежет бульдозера,
Чавк экскаватора.
Станки без звука
Рвут кого-то.
Завод погружается в болото...

[Там же].

Сочетание знаков НТП с «конкретистской регистрацией» [Некрасов 1996] раскрывается особым образом, когда к ним подмешивается смещение реальности, сомнение в ее достоверности, которое может быть связано как с чисто телесным нарушением, болезнью, включенной в поэтический микросюжет, так и с «головокружительным» эффектом дискурсивного контраста.

4. «Голоса» и не только: речь о технике

Мотивы, связанные с НТП, в текстах Сапгира и Холина выражены вовсе не нейтральным, а очень специфическим языком. Характерная для представителей Лианозовской школы попытка избежать подчеркнутых поэтизмов указывала на поиск для слова незанятой ниши, поскольку возвышенное было оккупировано официальной эстетикой [Гулин 2017]. Довольно много было уже сказано про то, как именно лианозовцы отталкивались от этой эстетики. Однако кроме этой далеко не исчерпанной темы значительный интерес также представляет то, как методы Сапгира и Холина учитывали поэтические установки предыдущего этапа развития литературы, имплицитно содержащиеся в советской литературе и опирающиеся на НТП.

Например, «реализация олицетворения» [Черкасов 2012: 80] в ряде текстов Холина («Камнедробилка / Пережевывающая гравий / Пробурчала / Жажду крови»), нагнетание деталей, связанных с развитием гротескного образа, находится в насыщенных и сложных отношениях с принципом «грузификации» и «локальной семантики», то есть «развертывания всей фактуры стиха из основного смыслового содержания темы» [Зелинский 2015: 94–95] литературного центра конструктивистов [Култышева 2007: 425] (типичный пример — строка из текста Б. Агапова «Машинистка Топчук»: «брови, как подпись директора треста»).

Конструктивисты проецировали устройство машины на структуру текста, режим образности которого должен был быть автореферентным, постоянно отсылая к теме самого произведения. Однако если они предлагали сделать текст максимально насыщенным и работающим на создание целой, связанной картины, то Холин, напротив, разгружает поэтическое высказывание. Он не стремится создавать тексты, превращенные в нечто аналогичное индустриальным механизмам, но показывает абсурдную дискурсивную базу этих механизмов и дает намек на экзистенциальное переживание, которое может стоять за той структурной «сделанностью» и сложностью, которая ранее умалчивала об этом.

С методами некоторых авторов Пролеткульта Холина тоже связывают сложные отношения. Уже шла речь об отдельных элементах поэтики, связанных с мотивами тела. Еще один важный момент — это формальная близость отдельных стихотворений Холина и текстов Алексея Гастева, одного из идеологов Пролеткульта. Гастев подходил к своей литературной деятельности как к части большого проекта, связанного с переопределением понятия труда, помещая во главу символических процессов в современной культуре производство и урбанизацию [Павлова 2005]. Его поэтические сборники («Поэзия рабочего удара», 1918; «Пачка ордеров», 1921) встраиваются в этот проект, задействуя представление о материальности слова, которое в отдельных его текстах приобретает почти психотехнический характер (поэтому так органично его стихи смотрятся рядом с теоретической книгой «Как надо работать» его же авторства и мотивационными плакатами-лозунгами, созданными им же в Центральном институте труда).

Гастев в своей смешанной практике гиперболизирует агитационность, осознанную неразличимость между высказыванием/действием и озабоченность индустриальной проблематикой, которые были свойственны всему Пролеткульту. Эта новая функция поэзии, наиболее ярко выраженная в проектах Гастева, стала практическим продолжением постсимволистского движения поэзии к проблематизации зазора между знаком и означаемым, когда «слово тоже есть дело» [Левченко 2007: 167]. Характерен здесь стиль Гастева-поэта, сводящий слово к команде, звену в алгоритме трудовой эффективности: «Ордер 02 / Хронометр, на дежурство. / к станкам. / Встать. / Пауза. / Заряд внимания. / Подача. / Включить. / Самоход. / Стоп. / Полминуты выдержки. / Переключить. / Операция Б. / Прием два, прием четыре. / Семь. / Серия двадцать, в работу» [Гастев 1921].

Между сборником Гастева «Пачка ордеров» и отдельными текстами Холина, посвященными заводским реалиям, есть определенное сходство. Короткие строки, парцелляция, наделение квазисубъектностью процессов и вещей, включенных в производство. Однако Холин организует ритмическую регулярность, которая позволяет вывести автоматизированность на поверхность текста, делая ее иронической: из-за регулярной рифмо-ритмической структуры (двухстопный анапест, возвратный глагол в третьем лице единственного числа + односложное существительное) к тексту добавляются коннотации детской считалки или других «несерьезных» поэтических форм:

Химический цех
Слышится смех
Сима
Доносится голос
Из дыма
Вадим
Здесь
Отзывается дым
Открывается кран
Наполняется чан
Заливается смесь
Выполняется план

[Холин 1999: 219].

Ритм считалки, предназначенной для случайного избрания одного участника из множества, связывается в этом тексте со случайностью результатов протекающей работы: план выполняется кем-то, никто не знает, кем и как. Это не похоже на строгость Гастева: его тексты, посвященные труду, демонстрируют предельный контроль, выраженный в слове, понятом как орудие непосредственного воздействия на реальность. Языковая скупость Гастева растет именно из этого представления о действенности слов: для необходимого эффекта достаточно кратко последовательных фраз.

У Холина минимализм приемов только создает видимость схематично соединенных друг с другом действий — на деле его поэтика вскрывает невозможность автоматизации. Субъект в текстах Холина не хочет и не может быть уподоблен машине, а ритмические сбои только подчеркивают эту невозможность. Если в поэзии 1920-х указание на бесконечно продленное в будущее действие выглядело бы утопически, то у Холина это отмена любого утопизма:

Мастерская «Металлорем»
Работы хватает всем
Иван
Чинит
Керосиновый жбан
Гаврила
Крутит точило
Николай
Разливает водку
Михаил
Делит селедку
Петров
Принимает заказ
Выписывает квитанцию
Зайдите
Через 100 лет
У нас
Не автоматическая станция

[Там же: 217].

Как это связано с теми гибридными телами, о которых было сказано в предыдущей части статьи? Некоторые из холинских героев заставляют вспомнить фольклор и народные сказки, в которых акт превращения — размывание границ между субъектом и средой — маркировал переход между мирами; здесь же происходит своего рода переход между дискурсивными сферами: многие персонажи застряли между ними — и это причина их деформированности, как телесной, так и речевой.

Отчасти из-за этого тела часто оформляются специфическими дискурсивными маркерами, как, например, происходит в этом тексте, где штампы отчета наложены на возможную имитацию искусственной, «машинной» речи⁵ и фантастический сюжет:

5 Ср., например, с тем, как передавалась речь роботов в современных Холину и Сапгиру научно-фантастических произведениях.

Произошла катастрофа
В лаборатории
Им. академика Веревки
Взорвались
Два шкафа
Хранилища частиц радия
Ожидающих сортировки
Прилегающий квартал
В мгновение ока
Превратился в подобие томатного сока
Причина
Просчет
Неправильный расчет
Виноват
Свой брат автомат

[Там же: 61].

Кроме опосредованного, непрямого диалога с поэзией 1920-х годов, Сапгир и Холин в своей поэзии наследуют формальным открытиям авангардистов начала века (В. Хлебникова, В. Маяковского и других). Сапгир занимается словотворчеством, причем в ранних текстах новые слова зачастую появляются в связи с концептуализацией новых явлений действительности (в том числе и технических). В тексте «Оголенность» ряд слов, обозначающих внешнюю техногенную реальность, трансформируются в новые, неизвестные термины:

Двор
Не двор
Из земли торчит
трубор
Сборный железобетон
На крыше крутится
котон
Дальше — пусто
Полтора
Квадратных километра
Электрольного листа
(Не подходите близко
Ослепнете от блеска)

[Сапгир 1993].

Этот тип словотворчества позволяет балансировать между узнаванием объекта и его эпистемологической недоступностью. Референциальная связь не нарушается полностью и не обращается на саму себя, от предмета остается только его смутно семантизированная перцепция, доступная в звуках и морфемах. Здесь одновременно проблематизируются и репрезентационные возможности языка, и статус внеязыковой реальности. Этот эффект схож с эффектом «жуткого», о котором писал З. Фрейд [Фрейд 1995], или с эффектом «зловещей долины» [Masahiro 2012: 98].

Незначительно изменяя в художественном тексте имена вещей индустриальной повседневности, Сапгир демонстрирует вышеуказанное различие и еще ряд значимых вещей. Во-первых, это статус технического объекта как иного. Во-вторых, его «странную», энигматическую включенность в повседневность. Что такое «электронный лист»? Кроме очевидного этимологического слияния слов «электронный» и «электролит» в этом окказионализме остается своего рода «дислексический» эффект не до конца распознаваемого языка. Похожее впечатление, вероятно, оставляли аббревиатуры или некоторые термины — частые маркеры советского языка, характеризовавшегося экспансией политического словаря в общественный быт после Октября [Чудакова 2007: 248]. Реальность оказывается не до конца доступной, и ее закрытость связана не с загадками природы, как у некоторых других авторов модерности, но с непрозрачностью культурного — уже технического — объекта и его имени. Эта критическая позиция, конечно, не напрямую антипрогрессистская, но — вопрошающая о соотношении модернизации и повседневности.

Эта же осторожность в обращении с прогрессом как метаконцептом этих текстов заметна также в организации стиха у Сапгира: диссонансная рифма, используемая им, проблематизирует связность и согласованность слов, а также возможность любой предсказуемой последовательности [Орлицкий, Павловец 2018: 95]. Работа с монтажными приемами сближает письмо с разработанной Дзигой Вертовым теорией «съемки жизни врасплох», с которой соотносится поэтическая стратегия «регистрации факта», реализованная не только в «Голосах» Сапгира, но и в текстах других поэтов Лианозовской школы, того же Холина или Кропивницкого. Именно эту особенность поэтики лианозовцев В. Кулаков называет регистрационным или протокольно-стенографическим стилем [Кулаков 1999: 23]; в нем в полном соответствии с информационными особенностями эпохи сам медиум становится формой дискурса. «Вербальная структура» медиума — советского радио, кино, плакатов и газет — формирует содержание повседневности и некоторые из стилистических решений Сапгира и Холина.

Действительно, то, что Холин и Сапгир обращаются к проблеме техники в том числе и как к дискурсивной проблеме, вполне соответствует периоду, в который создавались эти тексты. Второй этап «лингвистического поворота» и переход к информационному обществу существенно изменили расстановку акцентов в культуре (по сравнению с началом XX века), поэтому и ключевая проблема техники решалась в этот период иначе. Характерные примеры здесь рассмотрение (электронной) техники как главным образом устройства коммуникации (не производства) [Маклюэн 2018], а также концепция техники как идеологии Юргена Хабермаса, для которого технической рациональности противопоставлена рациональность диалога и общественного консенсуса [Хабермас 2007: 92]. Это связано с тем, что после краха метанарративов модерна, во многом вдохновленных стремительным развитием техники и индустриального производства, стала очевидна связь техники с формами организации общества. «Техника — это исторически-общественный проект. В ней спроектировано то, что общество и господствующие в нем интересы замышляют сделать с людьми и вещами» [Там же: 52]. Это высказывание можно сравнить с иронической оценкой роли техники в некоторых текстах Холина:

Камера
Инженера Крамера
В ней
Идет обработка людей
В смысле
Единства идей
Тук
Тук
Тук
Работает ультразвук
У Нилина
Лишняя извилина
Жилину
Добавить извилину

[Холин 1999: 100].

5. Вместо итога

Будучи включены в обстоятельства своего времени, Холин и Сапгир обращаются к полемике с официальной эстетической трактовкой НТП. В их текстах фрагментация, дизгармоничность или травмированность киборгизированного тела соединяются с деконструкцией следов отдельных формальных приемов, свойственных поэзии 1920-х годов, через которую официальная советская эстетика отчасти наследует внимание к технике. Поэтики Холина и Сапгира в сопоставлении с этим пластом русской литературы XX века показывают движение от овеществления слова и веры в его модернизирующую силу до представления о слове как о проблеме, скрывающей за трансформационным потенциалом выхолащивание значения. Позже на новом уровне в русской неофициальной поэзии эту проблему будут разрабатывать концептуалисты и метареалисты.

Соединение тела и дискурса в качестве проводящих, опосредующих инстанций «технического воображения» и попытки выявить «возможности поэтической речи» [Айзенберг 2005: 19] в условиях разочарования как в лирике, так и в прогрессе позволили Сапгиру и Холину создать интересную модель фильтрации, настроенных заново отношений между языковой абстракцией и конкретикой (как языка, так и того, что может быть найдено вне его).

Конечно, в рамках этой статьи многое остается незатронутым: например, диалог Сапгира и Холина с абстракцией и конкретикой современной им официальной литературы (от популярной научной фантастики до производственного романа); также важно было бы подробнее написать про связь антропологии барака, той самой конкретной реальности, оформлявший тексты лианозовцев, с их текстами.

Однако задача статьи состоит в том, чтобы организовать возможные подходы к перечитыванию рассматриваемых авторов, поставив акцент на их тонкой пограничной работе между средой и языком, внешней реальностью и лингвистической конкретикой. Этот ракурс может быть полезным именно сейчас, когда стратегии современной поэзии в очередной раз перекодируются, а действительность предлагает новые дискурсивные условия, безусловно пре-

восходящие по степени внутренней напряженности и абсурда времени формирования Лианозовской школы.

Библиография / References

- [Айзенберг 2005] — *Айзенберг М.* Оправданное присутствие: Сб. статей. М.: Новое литературное обозрение, 2005.
- (*Aizenberg M.* Opravdannoe prisutstvie: Coll. of articles. Moscow, 2005.)
- [Боренштейн 2001] — *Боренштейн Э.* Женоубийцы. Жертвоприношение женщины и мужское товарищество в ранней советской прозе / Пер. М. Липовецкого // *Континент.* 2001. № 108. С. 290—321.
- (*Borenstein E.* The Ladykillers: Female Sacrifice and Male Comradeship in Early Soviet Fiction / *Kontinent.* 2001. № 108. P. 290—321. — In Russ.)
- [Вишневецкий 2010] — *Вишневецкий А.Г.* Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. 2-е изд. М.: ГУ ВШЭ, 2010.
- (*Vishnevskij A.G.* Serp i rubl': Konservativnaya modernizatsiya v SSSR. 2nd ed. Moscow, 2010.)
- [Гастев 1921] — *Гастев А.К.* Пачка ордеров // *Lib.ru/Классика* (http://az.lib.ru/editors/g/gastew_a_k/text_0005.shtml (дата обращения: 04.02.2022)).
- (*Gastev A.K.* Pachka orderov // *Lib.ru/Klassika* (http://az.lib.ru/editors/g/gastew_a_k/text_0005.shtml (accessed: 04.02.2022)).)
- [Гулин 2017] — *Гулин И.* Место обретения речи / «Это был такой форпост поколения»: Лианозовская группа в стихах, картинах и воспоминаниях // *Коммерсантъ-Weekend.* 2017. 20 июля (<https://www.kommersant.ru/doc/3360663> (дата обращения: 10.05.2021)).
- (*Gulin I.* Mesto obreteniya rechi / "Eto byl takoy forpost pokoleniya": Lianozovskaya gruppa v stikhakh, kartinakh i vospominaniyakh // *Kommersant.* 2017. July 20 (<https://www.kommersant.ru/doc/3360663> (accessed: 10.05.2021)).)
- [Делёз, Гваттари 2009] — *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? / Пер. с фр. и послесл. С. Зенкина. М.: Академический проект, 2009.
- (*Deleuze G., Guattari F.* Qu'est-ce que la philosophie? Moscow, 2009. — In Russ.)
- [Зелинский 2015] — *Зелинский К.* Поэзия как смысл: Книга о конструктивизме / Сост. и публ. А. Зелинского; предисл. Д. Давыдова. М.: ОГИ, 2015.
- (*Zelinsky K.* Poeziya kak smysl: Kniga o konstruktivizme / Comp. and publ. by A. Zelinsky; forew. by D. Davydov. Moscow, 2015.)
- [Кукуй 2016] — *Кукуй И.* Там- и сямиздат: Лианозово на немецких рельсах // От авангарда до соц-арта: Культура советского времени: Сб. статей в честь 75-летия проф. Ханса Гюнтера. Белград: Изд-во филол. ф-та в Белграде, 2016. С. 209—218.
- (*Kukuj I.* Tam- i syamizdat: Lianozovo na nemetskiikh rel'sah // *Ot avangarda do sots-arta: Kul'tura sovetskogo vremeni: Sbornik statej v chest' 75-letiya professora Hansa Gyuntera.* Belgrade, 2016. P. 209—218.)
- [Кукулин 2019] — *Кукулин И.* Два рождения неподцензурной поэзии в СССР // *Кукулин И.* Прорыв к невозможной связи: статьи о русской поэзии. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2019.
- (*Kukulin I.* Dva rozhdeniya nepodtsenzurnoy poezii v SSSR // *Kukulin I.* Proryv k nevozmozhnoy svyazi: stat'i o russkoy poezii. Ekaterinburg; Moscow, 2019.)
- [Кулаков 1999] — *Кулаков В.* Лианозово: история одной поэтической группы // *Кулаков В.* Поэзия как факт: Статьи о стихах. М.: Новое литературное обозрение, 1999. С. 11—34.
- (*Kulakov V.* Lianozovo: istoriya odnoy poeticheskoy gruppy // *Kulakov V.* Poeziya kak fakt: Stat'i o stikhakh. Moscow, 1999. P. 11—34.)
- [Культышева 2007] — *Культышева О.* Творчество Маяковского во взаимодействии с литературным процессом 1910—1920-х годов: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007.
- (*Kultysheva O.* Tvorchestvo Mayakovskogo vo vzaimodeystvii s literaturnym protsessom 1910—1920-kh godov: PhD thesis. Moscow, 2007.)
- [Левченко 2007] — *Левченко М.А.* Индустриальная свирель: Поэзия Пролеткульта 1917—1921 гг. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2007.
- (*Levchenko M.A.* Industrial'naya svirel': Poeziya Proletkul'ta 1917—1921 gg. Saint Petersburg, 2007.)
- [Маклюэн 2018] — *Маклюэн М.* Галактика Гутенберга. Становление человека пе-

- читающего / Пер. с англ. И.О. Тюриной. М.: Академический проект, 2018.
- (*McLuhan M. The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man. Moscow, 2018. — In Russ.*)
- [Нанси 1999] — *Нанси Ж.-Л. Corpus* / Пер. с фр. Е. Петровской, Е. Гальцовой. М.: Ad Marginem, 1999.
- (*Nancy J.-L. Corpus. Moscow, 1999. — In Russ.*)
- [Некрасов 1996] — *Некрасов Вс. Объяснительная записка* // Журавлева А., Некрасов Вс. Пакет. М.: Меридиан, 1996. С. 303—304.
- (*Nekrasov Vs. Ob"yasnitel'naya zapiska // Zhuravleva A., Nekrasov Vs. Paket. Moscow, 1996. P. 303—304.*)
- [О'Махоуни 2006] — *О'Махоуни М. Спорт в СССР: физическая культура — визуальная культура* / Пер. с англ. Е. Ляминой, А. Фишмана. М.: Новое литературное обозрение, 2006.
- (*O'Mahony M. Sport in the USSR: physical culture — visual culture. Moscow, 2006. — In Russ.*)
- [Орлицкий, Павловец 2018] — *Орлицкий Ю.Б., Павловец М.Г. Наследники Хлебникова: Генрих Сапгир, Геннадий Айги, Александр Кондратов, Сергей Бiryukov* // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. Вып. 1. С. 94—110 (<https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2018.108>).
- (*Oritskii Yu.B., Pavlovets M.G. Nasledniki Khlebnikova: Genrikh Sapgir, Gennadiy Aygi, Aleksandr Kondratov, Sergey Biryukov // Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature. 2018. Vol. 15. Iss. 1. P. 94—110 (https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2018.108).*)
- [Павлова 2005] — *Павлова О.А. Мифологизм технократической утопии А. Гастева: от «нормализации» человека к интегральному космосу* // Известия вузов. Северокавказский регион. Общественные науки. Приложение. 2005. № 1. С. 83—92.
- (*Pavlova O.A. Mifologizm tekhnokraticheskoy utopii A. Gasteva: ot "normalizatsii" cheloveka k integral'nomu kosmosu // Izvestiya vuzov. Severokavkazskiy region. Obshchestvennye nauki. Prilozhenie. 2005. № 1. P. 83—92.*)
- [Павловец 2021] — *Павловец М. «Лианозовская школа» и «конкретная поэзия»* // «Лианозовская школа»: между барачной поэзией и русским конкретизмом / Под ред. Г. Зыковой, В. Кулакова, М. Павловца. М.: Новое литературное обозрение, 2021.
- (*Pavlovets M. "Lianozovskaya shkola" i "konkretnaya poeziya" // "Lianozovskaya shkola": mezhdubarachnoy poeziei i russkim konkretizmom / Ed. by G. Zyкова, V. Kulakov, M. Pavlovets. Moscow, 2021.*)
- [Родионова 2020] — *Родионова А.А. Репрезентация техники в русской поэзии XX века (на материале текстов 1920—1980-х годов): ВКР магистра филол. наук.* Н. Новгород, 2020.
- (*Rodionova A.A. Reprezentatsiya tekhniki v russkoy poezii XX veka (na materiale tekstov 1920—1980-kh godov): MA thesis. Nizhny Novgorod, 2020.*)
- [Рымбу 2014] — *Рымбу Г. Вспомнить Холина* // Colta.ru. 2014. 3 июля (<https://www.colta.ru/articles/literature/3753-vspomnit-holina> (дата обращения: 04.02.2022)).
- (*Rymbu G. Vspomnit' Kholina // Colta.ru. 2014. July 3 (https://www.colta.ru/articles/literature/3753-vspomnit-holina (accessed: 04.02.2022)).*)
- [Сапгир 1993] — *Сапгир Г.В. Избранное.* М.; Париж; Нью-Йорк: Третья волна, 1993 (<http://www.vavilon.ru/texts/sapgir1.html#1> (дата обращения: 04.02.2022)).
- (*Sapgir G.V. Izbrannoe. Moscow; Paris; New York, 1993 (http://www.vavilon.ru/texts/sapgir1.html#1 (accessed: 02.02.2022)).*)
- [Смола 2021] — *Смола К. «Лианозово» как мультимедиаальный артефакт* // «Лианозовская школа»: между барачной поэзией и русским конкретизмом / Под ред. Г. Зыковой, В. Кулакова, М. Павловца. М.: Новое литературное обозрение, 2021.
- (*Smola K. "Lianozovo" kak mul'timedial'nyy artefakt // "Lianozovskaya shkola": mezhdubarachnoy poeziei i russkim konkretizmom / Ed. by G. Zyкова, V. Kulakov, M. Pavlovets. Moscow, 2021.*)
- [Тименчик 1987] — *Тименчик Р.Д. К символике трамвая в русской поэзии* // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1987. Вып. 754. С. 135—143.
- (*Timenchik R.D. K simbolike tramvaya v russkoy poezii // Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Tartu, 1987. Vol. 754. P. 135—143.*)
- [Томпсон 2018] — *Томпсон Х. Агентность, опосредованная объективацией: субъектность и технологии* / Пер. с англ. Н. Руденко, Ю. Шубина // Логос. 2018. Т. 28. № 5. С. 203—248.
- (*Tompson H. Agency through Objectification: Subjectivity and Technology // Logos. 2018. Vol. 28. № 5. — In Russ.*)
- [Тучков 2005] — *Тучков В.Я. О стихах Сапгира* // Журнал наблюдений / Сост. А. Килимник. М.: Минувшее, 2005. С. 262—265.
- (*Tuchkov V.Ya. O stikhakh Sapgira // Zhurnal nablyudeniю. Moscow, 2005. P. 262—265.*)
- [Фрейд 1995] — *Фрейд З. Жуткое* / Пер. с нем. Р.Ф. Додельцева // Фрейд З. Художник и фантазирование. М.: Республика, 1995. С. 265—281.

- (Freud Z. Das Unheimliche // Freud Z. Khudozhnik i fantazirovanie. Moscow, 1995. P. 265—281. — In Russ.)
- [Хабермас 2007] — *Хабермас Ю.* Техника и наука как «идеология» / Пер. с нем. М.Л. Хорькова. М.: Практикс, 2007.
- (Habermas J. Technik und Wissenschaft als "Ideologie". Moscow, 2007. — In Russ.)
- [Харауэй 2017] — *Харауэй Д.* Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х / Пер. с англ. А. Гараджи. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017.
- (Haraway D. A Cyborg Manifesto: Science, Technology, and Socialist-Feminism in the Late Twentieth Century. Moscow, 2017. — In Russ.)
- [Холин 1999] — *Холин И.С.* Избранное. Стихи и поэмы. М.: Новое литературное обозрение, 1999.
- (Holin I.S. Izbrannoe. Stikhi i poemu. Moscow, 1999.)
- [Черкасов 2012] — *Черкасов Р.В.* Репрезентация тела в «космических стихах» Игоря Холина // Культура и история в компаративном измерении. Материалы I Всероссийского научно-методологического семинара. Самара: Самарская государственная академия культуры и искусств, 2012.
- (Cherkasov R.V. Rerezentatsiya tela v "kosmicheskikh stikhakh" Igorya Kholina // Kul'tura i istoriya v komparativnom izmerenii. Materialy I Vserossiyskogo nauchno-metodologicheskogo seminar. Samara, 2012.)
- [Чудакова 2007] — *Чудакова М.О.* Язык распавшейся цивилизации: Материалы к теме // Чудакова М. Новые работы: 2003—2006. М.: Время, 2007. С. 254—350.
- (Chudakova M.O. Yazyk raspavsheysya tsivilizatsii: Materialy k teme // Chudakova M. Noveye raboty: 2003—2006. Moscow, 2007. P. 254—350.)
- [Hayles 2017] — *Hayles N.K.* Unthought: The Power of the Cognitive Nonconscious. Chicago: The University of Chicago Press, 2017.
- [Hirt, Wonders 1992] — Vorwort // Lianosowo. Gedichte und Bilder aus Moskau. Mit Tonkassette und Fotosammlung / Hrsg. von G. Hirt, S. Wonders. München: Edition S-Press, 1992. P. 16—23.
- [Masahiro 2012] — *Masahiro M.* The Uncanny Valley // IEEE Robotics & Automation Magazine / Transl. by K.F. MacDorman, N. Kageki. 2012. Vol. 19. № 2. P. 98—100.